

Т. Б. Авлова, Н. М. Марусенко

«БУДЕМ ЕСТЬ ИЛИ КУШАТЬ?»

TATYANA B. AVLOVA, NATALIA M. MARUSENKO
"SHALL WE "EST" OR "KUSHAT"?"

Татьяна Борисовна Авлова

Кандидат педагогических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► avlovatb@yandex.ru

Наталья Михайловна Марусенко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета
► nmm.spb@gmail.com

В статье рассматривается конкуренция двух близких синонимов *есть* и *кушать* на фоне их функционирования в современном повседневном общении, применительно к понятию нормативного современного литературного языка.

Ключевые слова: русский язык, культура речи, синонимия, повседневное общение.

The article describes "the competition" of two close synonyms *jest'* ('to eat') and *kushat'* against their functioning in modern daily communication, in relation to concept of the standard modern literary language.

Keywords: Russian language, speech culture, synonymy, daily communication.

Наличие в языке двух слов с очень близким значением всегда ставит говорящих перед выбором, поскольку совершенно тождественными такие слова быть не могут, требуя мотивации предпочтения в том или другом контексте. Преодоление сложностей употребления порождает изменения в значениях слов, сдвиги в их семантике. Слова *есть* и *кушать* в значении «принимать пищу» представляют одну из таких пар.

Согласно Малому академическому словарю (МАС) глагол *кушать* имеет следующие ограничения в употреблении: «обычно употребляется при вежливом приглашении к еде, в литературной речи в 1 лице не употребляется» [13: 157]. Авторы большинства других авторитетных словарей также единодушно отмечают, что глагол «кушать» в значении «есть, принимать пищу» в настоящее время используется только при вежливом приглашении к еде («кушайте на здоровье») и по отношению к детям [6: 762; 9: 406; 11: 308; 12: 346; 14: 1914–1915; 16; 17]. В сознании многих носителей русского языка это слово сразу вызывает ассоциации со знаменитым театральным «кушать подано». Однако всё чаще и чаще в речи образованных людей этот глагол не просто проскальзывает, а начинает вытеснять глагол *есть*, что порождает вопросы исследователей языка: ограничен ли сегодня этот глагол в своём употреблении ситуациями проявления вежливости, избегает ли сам говорящий употребления этого слова, сообщая о своих действиях, о себе, вызывает ли это слово само по себе какую-то оценку со стороны участников коммуникации.

В поисках ответов на эти вопросы обратимся к Интернету как области представления повседневной речи. На одном из сайтов русскоязыч-

ной прозы опубликован рассказ Анны Лукашенок «Кушайте, сударь!» Приведём фрагмент:

«Зашла к матери:

— Извини, ты кушаешь... Но я на секунду: ты не знаешь, где у нас антимоль?..

С антимолью разобралась, а мать усмехается:

— Я всегда считала, что это только про детей говорят „кушаешь“. Или лакеи: „Кушать подано“.

— А кто говорит? С чего это ты вдруг? — удивляюсь.

— Да ты сказала. Вот сейчас.

— Я? А, да... наверное, сказала...

Ушла в задумчивости. Неужто дети едят как-то особенно, жуют-глотают не как взрослые — настолько, что особое слово, для них только, „кушают“? А взрослые так уж непременно только „едят“? Ну, уж не будем брать в расчёт грубости „жрать“, „лопать“, „хавать“, „трескать“... Что-то я не вижу существенной разницы между „кушать“ и „есть“.

Словари, как правило, не только повторяют приведённое выше толкование значения слова *кушать*, но и вносят некоторые уточнения. Так, Большой академический словарь (БАС) [14], во многом ориентирующийся на русскую классическую литературу, сообщает о том, что данный глагол используется с оттенком «подобострастной вежливости» (употреблялся до революции в просторечии по отношению к господам, высоким особам и т. п.). Есть указания на его употребление только в разговорной речи, причём с иронией [4: 197] или шутливо [1: 118; 4: 197], слово оценивается как разговорно-сниженное [3: 179]. Отметим, что В. И. Даль считал его словом более вежливым, чем «есть» и «пить» [15: 229]. При отмеченном разнообразии словарного представления слова везде указывается на нормативное запрещение его использования в 1-м л. ед. числа [9: 406; 13; 14; 16]. Что, как показывает современная языковая практика, в действительности не соблюдается. Приведём ещё один пример:

«Где прояснить вопрос? Конечно, в Сети. Батюшки!

Некоторые аж слюной брызгают: „кушать“ — мещанское слово, лакейское, неприличное, манерное, напыщенное, униженное, жеманное, слащавое, сюсюканье... „Ложно понимаемая форма вежливости“.

Про себя („я кушаю“) — нельзя ни в коем случае!!! Недопустимо! — слишком „пышно“ о себе-то, нескромно.

Выходит, под страхом причисления к лакеям не смей произнести „кушать“? Из всего „великого-могучего“ для пристойного обихода допущен только бедненький короткий писк „есть“? А ежели припутается другое значение, то крутись, как знаешь...

Ну как я скажу: „Вы едите творог?“ Даже что-то матерное проглядывает — „етит-твою...“ Поспешу заменить на „употребляете“.

Или „ешь яичницу“ — какое-то шипение змеиное: „еишиш! еишиш!“ Разве так угощают? Не буду я так угощать! Пусть упёртые долдоны сочтут меня „мещанкой“, а вот скажу „скушай котлетку...“ Мужу даже скажу, а не только ребёнку. Здесь другое „ш“, мягонькое, ласковое...»

Действительно, многие пользователи интернет-форумов весьма эмоционально принимают участие в дискуссиях по поводу возможностей употребления *кушать*. Большинство ссылается на информацию, предоставленную популярным сайтом www.gramota.ru. Специалисты раздела «Справка» этого сайта объясняют, что данные синонимы различаются стилистически; «есть», являясь общеупотребительным, нейтральным в экспрессивном отношении словом, используется в литературной речи несравненно шире «кушать», которое стилистически ограничено и используется прежде всего как слово, относящееся к речевому этикету (вежливое приглашение гостя, гостей к столу) и употребляемое по отношению к детям. Употребление *кушать* в 1-м лице ед. ч. настоящего времени или в прошедшем времени допустимо только в речи детей и женщин. Использование глагола *кушать* в речи мужчин о себе, а также когда мужчина или женщина говорит от имени четы или семьи противоречит стилистической норме современного литературного языка, придаёт речи манерность, некоторую слащавость, квалифицируется как проявление мещанства в речи.

Как отмечает В. В. Колесов, «скрытый в слове словесный образ — отталкивающий или приятный — руководит и нашим выбором в речи» [7: 7]. И, видимо, этот образ у каждого говорящего носит сугубо индивидуальный оттенок. Многие

пользователи Интернета¹, упрекая авторов вышеуказанного текста за «гендерный шовинизм», отмечают, что глагол *кушать* «отдает местечковостью», употребление же его в 1-м л. «слишком жеманно и смешно», воспринимается «как сюсюканье». Другие же, наоборот, ощущают в данном слове нечто «гурманское», считая, что применяется оно в контексте более «душевном, оно ласковое, его употребляют как бы с улыбкой». Говоря о личном восприятии *кушать*, многие отмечают, что *есть* кажется им грубым, отдаленно связанным со «жрать», *кушать* — самый «мягкий», «благочестивый» глагол среди тех, что обозначают приём пищи.

Посетители форумов не только выступают «за» или «против», но и пытаются найти причины столь широкого использования в речи современных людей слова *кушать*, объясняя это полисемичностью глагола *есть* («являться», «питаться», «наличествовать», «так точно»), затрудняющей его восприятие, поэтому некоторые носители языка неосознанно пытаются снять эту многозначность употреблением синонимов².

Наличие столь полярных точек зрения ставит вопрос о том, в какой степени использование в речи глагола «кушать» служит показателем изменений в социальной идентификации и уровне общей культуры современного носителя языка. И здесь уместно обратить внимание на довольно резкое высказывание одного из посетителей форума: «...слов — красных тряпок — в нашей речи довольно много. Об их истории и судьбе уже никто не задумывается, они работают как сигнализация: произнесли — запищало, пошла реакция под названием „не наш человек“ или, в крайнем случае, „что это с ним?“. И венчает это собрание слов-индикаторов глагол „кушать“. Он меня тоже пугает, и лишний раз я его не произнесу даже там, где точно можно. „Страшусь, не звезданули бы по морде“, как сказал бы поэт Вишневский. В своем окружении я почти не знаю людей, которые бы хоть раз не признались мне в том, как ненавидят всех, кто „кушает“»³.

Присутствие в сознании носителей языка оппозиции «наш человек/не наш человек» можно объяснить тем, что до недавнего времени

взаимоотношения разговорной литературной речи и просторечия в русском сознании рассматривались как отношения «антагонистические» [2: 605]. Однако в настоящее время разговорная речь как устная форма литературного языка значительно расширила свои границы, контактируя с существующими устными подразделениями языка национального (просторечия, диалекты, жаргоны). В ряде случаев между ними стираются четкие границы [5]. В литературной норме, с одной стороны, заключены объективные свойства эволюционирующего языка, с другой стороны — социальные, общественные и вкусовые оценки. Сочетание всех этих объективных и субъективных составляющих в норме создаёт в некоторой степени противоречивый характер нормы. Именно поэтому сегодня особенно активно ведётся изучение функционирующих норм литературного языка с опорой на семантику и с учётом языкового состояния современного общества, что фиксируется лингвистическими словарями, представляющими и утверждающими современную языковую норму, признанную образцовой. Эта норма складывается в повседневной речевой практике, верифицируется и закрепляется в различных коммуникативных ситуациях.

В Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации» говорится, что «настоящая объективная норма создается на базе конкуренции вариантов языковых знаков, так как наличие вариативности предполагается самой эволюцией языка» [8: 4]. Норма и реальная речевая практика находятся в состоянии противоречия, которое проявляется в нарушении запретов и рекомендаций, предписанных кодифицированными источниками. Анализируя современную языковую ситуацию, Л. П. Крысин отмечает, что в «современной литературной речи получают распространение факты, идущие из некодифицированных языковых подсистем, — главным образом, из просторечия и жаргонов, и традиционно-нормативные единицы постепенно вытесняются новыми: мелькают в речи тех, кого общество привыкло считать несомненными носителями литературной нормы, и т. п. В подобных случаях узус пренебрегает нор-

мативными рекомендациями и запретами, и речевая практика берет верх над языковой традицией и над предписаниями кодификаторов» [10: 15].

Таким образом, просторечие и разговорная литературная речь сближаются и по своим языковым параметрам, и по характеру носителей. Не только в обиходно-бытовой речи, но и в речи официальной, в средствах массовой информации, в публицистике, в авторской речи художественных произведений значительно активизировались элементы городского просторечия, что по-разному воспринимается обществом и оценивается лингвистами. Резко меняются коммуникативные установки устно-разговорной речи: оптимальным и целесообразным становится экспрессивное общение и использование разнообразных языковых единиц.

«Нет, что-то тут не так... Сплошное это всё недоразумение. Слово это — народное, исконное, древнее: Хлеб-соль кушай, а правду слушай. Семеро стоят, да слушают, семеро едят, да кушают. Чьё кушаю, того и слушаю. Марфуша, покушай, Макавей, поговей. Есть что слушать, да нечего кушать. И целая вереница следом: вкушать, искушать, кушанье, кушатель (едок) и даже кушальная (столовая), прикушивать (слегка заКУСить), обкушаться... Только копни, сразу „русским духом“ пахнет. Почему „закускам“, к примеру, повезло, даже „кушанье“ не позорное слово, а „кушать“ вызывает такую ярость? А потому что вестернизация русской культуры со времён Петра Первого круто отделила привилегированные дворянские слои от собственного народа, в том числе и по языку. Слуги, дворня, лакеи — из народа, со своим языком, который стал нелюбезен „верхам“. По-иноземному лакей говорить не должен, дабы не понимать речей господ, а обращаться к ним, тем не менее, надо вежливо, почтительно, уважительно, учтиво... „Образованные люди“ России народный язык презрели, усердно наштапгивали галлицизмами, и вежливая народная лексика стала в их глазах „лакейской“. А уж двадцатый век, от Чехова и дальше в советские времена, вел непримиримое сражение против лакейства-мещанства, „родимых пятен“ сословной России... Соотечественники, можно я буду пользоваться устаревшим, СКАЗОЧНЫМ словом „кушать“? Оно не слышится мне лакейским, всё лучше, чем лопать и трескать. Более того, признаюсь — оно мне кажется недостаточно ласковым с детьми,

и когда я хочу поворковать и посюсюкать со своим ребёнком, я говорю „давай покушаньяем“... Думаю, борцы с лакейством уже свалились в обморок».

В книге «Гордый наш язык» В. В. Колесов, рассуждая о том, какое же из этих слов более «культурное», отмечает, что «неприемлемость того или иного слова возникает в отношении между словами, например „кушать — есть — жрать... вопить — кричать — орать...“ Те, что слева, открывают ряды: высокие, торжественные, словно даже чуть-чуть нерусские. Кушать как будто вкушать, вопить роднится с возопить... Те же, что справа, — разговорные и даже грубые их варианты... Средние — всегда норма» [7: 7].

И, как будто отвечая языковым пуристам, выступающим против «грубости» некоторых слов, В. В. Колесов пишет, что при таком подходе к языку «мы ограничиваем себя узким кругом отстоявшихся слов-понятий, без красок словесных, без движения смыслов в тех самых словах, которые предпочли мы из многих как слова литературные» [Там же: 13].

Помимо анализа материалов Интернета, мы провели социолингвистический опрос, в котором участвовало 143 человека: 60 студентов филологического факультета, получающих второе высшее образование (в возрасте от 24 до 53 лет, среди них 24 мужчины и 36 женщин), и 83 студента факультета искусств (в возрасте от 18 до 25 лет: 26 мужчин и 57 женщин). В анкету были включены вопросы, позволяющие уточнить, как воспринимается глагол *кушать* с точки зрения его сферы употребления и возможности использования лицом говорящим. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что 43% респондентов считают, что глагол *кушать* утратил ограничение на сферу употребления и невозможность быть использованным в первом лице. При этом 57%, если и не видят принципиального различия в этих двух глаголах, все-таки воздерживаются от использования глагола *кушать* в первом лице.

Приведём несколько примеров из материалов опроса:

Кушать. Приятное слово, не правда ли? Сразу возникают приятные ассоциации: как на теплой кухне мама готовит вкусный обед, а потом зовет

меня с сестрой: «Девчонки, идите кушать». И так ласково оно звучало, и так тепло и мягко становилось на душе;

Не вдаваясь в историческое происхождение этого слова, не думая о том, что оно «мещанское» и воспитанный человек должен пользоваться альтернативным словом «есть», я, все-таки, прибегу к его для своих близких и любимых. Чтобы утром, приготовив завтрак, назвать всех к столу: «Идите кушать»;

Люди кушают, дети кушают конфеты, мы кушаем. Выше перечисленные словосочетания кажутся добрее и менее агрессивными, чем такие словосочетания, как они едят, он ест, мы едим;

Думаю, что слово кушать можно использовать в речи. Ведь оно от слова вкус, вкушать. А значит узнавать что-то новое;

Глагол «кушать» звучит более мягко и ласково по сравнению с «есть». В своей речи я употребляю эти 2 глагола, по отношению к себе я употребляю глагол «кушать», но в 3 л.ед.ч и в 1 л. мн.ч. я скорее употребляю глагол «есть».

Проведённые наблюдения и социолингвистический опрос убеждают нас в том, что жёсткие границы употребления слов *есть* и *кушать* размыты, хотя говорить о *кушать* как о победителе ещё рано. Данные опроса продемонстрировали высокую заинтересованность носителей языка в выборе собственной позиции к употреблению слов. Определяя свое отношение, респонденты мотивируют свой выбор не только семантическими или стилистическими оттенками значений. Здесь проявляется чисто эстетическое отношение к слову, которое оценивается как мягкое, доброе, ласковое. И в этом проявляется одно из национальных качеств носителей русского языка: при выборе слова важнейшей оказывается эстетическая оценка. Большинство единиц национального языка так или иначе отображает мировосприятие его носителей, национальные и культурные особенности, имеет культурную значимость, которая проявляется по-разному: в коннотациях, оценках, существующих ассоциациях и стереотипных представлениях носителей языка. Эта культурная значимость и представляет собой абсолютный потенциал языковой единицы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: <http://otvet.mail.ru/question/11331642/>, <http://lingvoforum.net/index.php?topic=7501.0>, http://www licey.net/russian/culture/6_3, <http://www.mn.ru/columns/20120627/321550877.html>, <http://www.ivanar.ru/page003.php>

² См.: <http://www.diary.ru/~kruzzhok/p147661511.htm>

³ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. М., 2003.
2. Бицилли П. М. Вопросы русской языковой культуры // Избр. тр. по филологии. М., 1996.
3. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2008.
4. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М.: 2005.
5. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2001. Т. 1.
7. Колесов В. В. Гордый наш язык. СПб., 2006.
8. Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 1: Нормы современного русского литературного языка как государственно-го (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / Под ред. Г. Н. Складневской, Е. Ю. Ваулиной. СПб., 2007.
9. Комплексный словарь русского языка / А. Н. Тихонов и др.; под ред. А. Н. Тихонова. М., 2011.
10. Крысин Л. П. Литературный язык: регулируемые и «стихийные» сферы функционирования // Мир русского слова. 2008. № 3. С. 13–17.
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. М., 2003.
12. Рогожникова Р. П. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII–XX вв. / Р. П. Рогожникова, Т. С. Карская. М., 2005.
13. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999.
14. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 5 / Под ред. В. И. Чернышёва. М.; Л., 1956.
15. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2 / В. И. Даль. М., 2005.
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 2004.
17. Шишов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: Ок. 37 000 слов русского яз., объединенных в 2000 словообразовательных гнезд: Комплексное описание русской лексики и словообразования. М., 2004.